

ИССЛЕДОВАНИЯ И ЭКСПЕРИМЕНТЫ

ПОДАРИТЬ СВОБОДУ – ЭТО ПОДАРИТЬ ЛЮБОВЬ, А ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ МОЖЕТ СПАСТИ МИР

Нилл А.С.

Подарить свободу —
это подарить любовь,
а только любовь может
спасти мир

35 – 40

Бабушкина Т.В.

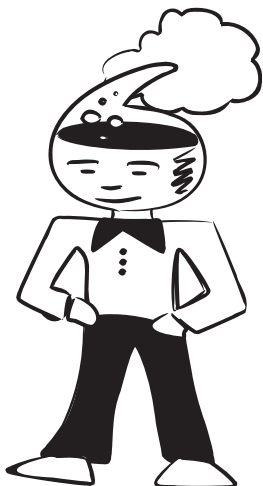
Все удивительные истории
с детьми начинаются
обыкновенно

41 – 42

Делахук М.

Почему нельзя ставить
поведенческие цели выше
социально-эмоционального
развития

43 – 44

А.С. НИЛЛ

Бывают неповторимые школы. Они существовали, а некоторые по сей день существуют, в единственном числе. Никто на Земле не смог осуществить их опыт ни при жизни авторов, ни после. Школы Монтеessori к таким не относятся. А вот свободная школа Саммерхилл, созданная гениальным английским педагогом и психологом Александром Сазерлендом Ниллом в ста милях от Лондона, как была одна в двадцатых годах прошлого века, так и сегодня существует на свете неповторимой уже под руководством его дочери.

Наши любимые отговорки, что воспроизвести английский опыт свободной школы в России нельзя, потому что у нас другое образование и иное понимание свободы, а нарушение законов традиционной российской школы вряд ли допустит государство, — все эти отговорки могут померкнуть и отступить, как только найдётся человек, который воспримет воспитание детей свободой. Пока он не захочет доказать догадку Александра Нилла о том, что взрослые, если предоставят детям свободу, могут сделать их по-настоящему счастливыми.

Об идее школы Саммерхилл

Школа должна подходить детям, а не наоборот. Школу с таким порядком газеты называют школой «делай-что-хочешь», журналисты считают, что у нас тут сборище примитивных дикарей, не признающих никаких правил и не умеющих себя вести. Поэтому мне придётся рассказать о Саммерхилле настолько честно, насколько я вообще могу это сделать. Понятно, что я пристрастен, когда пишу

о своей школе, но всё-таки постараюсь показать не только её заслуги, но и упущения. Заслуга — здоровые и свободные дети, чья жизнь не испорчена страхом и ненавистью.

Саммерхилл начинался как экспериментальная школа. Теперь это скорее показательная школа, а показывает она, что свобода делает своё дело. Когда мы с моей первой женой создавали эту школу, у нас была одна ведущая идея: школа должна подходить детям, а не наоборот — дети школе.

Так вот, мы взялись создать школу, в которой детям предоставлялась бы свобода быть самими собой. Для этого мы должны были отказаться от всякой дисциплины, всякого управления, всякого внушения, всяких моральных поучений, всякого религиозного наставления. Нас называли храбрецами, но это вовсе не требовало храбрости. Всё, что требовалось, — это вера в ребёнка, в то, что он по природе своей существо доброе, а не злое. Более чем за 40 лет вера в добрую природу ребёнка ни разу не колебалась и, скорее, превратилась в окончательную уверенность.

Я полагаю, что ребёнок внутренне мудр и реалистичен. Если его оставить в покое, без всяких внушений со стороны взрослых, он сам разовьётся настолько, насколько способен развиваться. Поэтому Саммерхилл — это такое место, где имеющие способности и желание заниматься наукой станут учёными, а желающие мести улицы будут их мести. Мы, правда, до сих пор не вырастили ни одного дворника. Я пишу это без всякого снобизма, потому что мне приятнее школа, выпускающая счастливых дворников, чем та, из которой выходят учёные-невротики.

Саммерхилл — школа, где ребёнок знает, что его принимают

Что же это за школа, Саммерхилл? Во-первых, уроки необязательны. Дети вольны посещать их, если хотят, но могут и игнорировать годами, если пожелают. Расписание существует, но только для учителей.

Дети обычно ходят на те занятия, которые соответствуют их возрасту, а иногда интересам. У нас нет новых методов преподавания, потому что мы не считаем преподавание само по себе очень важным. Есть у школы особые способы обучения делению в столбик или их нет — не имеет никакого значения, потому что сам навык деления в столбик важен только для тех, кто хочет его освоить. А ребёнок, который действительно хочет научиться делить в столбик, непременно будет уметь это делать независимо от того, каким способом его обучают.

Между прочим, в Саммерхилле довольно много учатся. Возможно, группа наших двенадцатилетних и не сможет конкурировать с обычным классом такого же возраста в чистописании, орфографии или дробях. Но на экзамене, требующем сообразительности, наши разбили бы их в пух и прах. Если учитель почему-либо не может провести занятие, назначенное на данный день, то это обычно вызывает у детей большое разочарование.

Несколько лет назад на общем собрании школы (где каждое из правил для учащихся принимается всей школой, а каждый ученик и каждый сотрудник имеют при этом по одному голосу) кто-то предложил, чтобы определённые проступки наказывались отлучением от уроков на неделю. Дети запротестовали — это чересчур суровое наказание.

Саммерхилл, вероятно, самая счастливая школа в мире. У нас нет прогульщиков, и редко случается, чтобы дети тосковали по дому. У нас почти никогда не бывает драк — ссоры, конечно, неизбежны, но мне редко доводилось видеть кулачные бои вроде тех, в которых я участвовал мальчиком. Так же редко я слышу, чтобы дети кричали, потому что у свободных детей в отличие от подавленных нет ненависти, которая требует выражения. Ненависть вскармливается ненавистью, а любовь — любовью.

Любовь означает принятие детей, и это существенно для любой школы. Вы не можете быть на стороне детей, если наказываете или браните их. Саммерхилл — это школа, где ребёнок знает, что его принимают.

Задача ребёнка в том, чтобы прожить свою собственную жизнь

Я хочу подчеркнуть важность отсутствия страха перед взрослыми. Девятилетний ребёнок, разбив окно мячом, придёт и скажет мне об этом. Скажет, потому что не боится, что я разозлюсь и начну читать мораль. Ему, возможно, придётся заплатить за окно, но он не опасается нотации или наказания.

Дети легче вступают в контакт с незнакомцами, когда им неведом страх. То, что дети Саммерхилла так исключительно приветливы с гостями, — предмет гордости и для меня, и для моих коллег.

Следует, однако, признать, что большинство наших посетителей сами по себе интересны детям. Наименее желательный для них род гостей — ревностные педагоги, которые непременно хотят посмотреть их рисунки или письменные работы. Самый желанный гость — тот, у кого есть что рассказать о приключениях или путешествиях, а лучше всего об авиации.

Чаще всего наши гости отмечают, что невозможно отличить детей от сотрудников. Это правда: чувство единения оказывается очень сильным, когда дети ощущают поддержку. Учитель как таковой ничем не выделяется. Ученики и сотрудники едят одно и то же и подчиняются одинаковым для всех правилам общежития. Дети возмутились бы, если бы персоналу были предоставлены какие-либо привилегии.

Когда я стал проводить с персоналом еженедельные беседы по психологии, поднялся ропот — это показалось несправедливым. Я изменил свой план и сделал беседы открытыми для всех, кто старше 12 лет. И так каждый вторник вечером моя комната набита подростками, которые не только слушают, но и свободно высказывают свои мнения. Вот некоторые темы, которые дети просили меня обсудить: комплекс неполноценности, психология воровства, психология гангстера, психология юмора, почему человек изобрёл мораль, мастурбация, психология толпы. Очевидно, что такие дети выйдут в жизнь с довольно широким и ясным представлением о себе и других.

Вопрос, который чаще всего задают посетители Саммерхилла, таков: «Не осудит ли ребёнок, оглядываясь назад, школу за то, что она не заставляла его заниматься арифметикой или музыкой?» Ответ состоит в том, что юный Фредди — Бетховен или Томми — Эйнштейн всё равно не позволят удержать их в стороне от соответствующих занятий.

Задача ребёнка состоит в том, чтобы прожить свою собственную жизнь, а не ту, которую выбрали ему беспокойные родители. Разумеется, и не ту, которая соответствовала бы целям педагога, полагающего, что уж он-то знает, как лучше. Вмешательство и руководство со стороны взрослых превращают детей в роботов.

О типичном дне Саммерхилла

С 8.15 до 9 — завтрак. Дети и сотрудники берут себе завтрак на кухне и несут в столовую. Предполагается, что к началу уроков, в 9.30, постели будут застелены.

В начале каждого семестра вывешивается расписание. Так, в лаборатории у Дерекка 1-й класс занимается по понедельникам, 2-й класс — по вторникам и т.д. Похожее расписание у меня по английскому языку и математике, у Мориса — по географии и истории. Младшие дети (7–9 лет) обычно большую часть первой половины дня

проводят со своим собственным учителем, но они тоже посещают занятия по естественным наукам или комнату искусств.

Детей никогда не принуждают присутствовать на уроках. Правда, если Джимми в понедельник придёт на английский, а в следующий раз появится только через неделю в пятницу, то остальные вполне справедливо отметят, что он мешает им продвигаться, и могут даже прогнать его за это.

Вообще уроки продолжаются до часу, но у дошколят и младших школьников в 12.30 ленч. Школе приходится кормиться в две смены. У старших детей и персонала ленч в 13.30.

Вторая половина дня у всех совершенно свободна. Чем они занимаются в это время, я даже не знаю. Я садовничаю и редко вижу ребят поблизости. Одни старшие заняты моторами или радио, другие рисуют или пишут красками. В хорошую погоду старшие играют в спортивные игры. Кто-то возится в мастерской, чинит свой велосипед, делает лодку или игрушечный револьвер.

В 16 часов подаётся чай. В 17 часов начинаются разные занятия. Младшие любят, чтобы им читали. Средняя группа предпочитает работать в комнате искусств: рисовать, делать линогравюры, мастерить что-нибудь из кожи, плести корзины. Обычно довольно многолюдно в гончарной мастерской, это фактически самое любимое место у ребят и утром, и вечером. Самые старшие работают после чая, и, бывает, задерживаются до позднего вечера. Мастерская для работы по дереву и металлу всегда полна.

Вечером в понедельник ребята ходят в местный кинотеатр (за счёт родителей). Если репертуар меняется в четверг, те, у кого есть деньги, могут снова пойти в кино.

Вечером во вторник персонал и старшие дети слушают мои беседы по психологии. В это время младшие дети, разделившись на группы, читают. Вечер среды посвящается танцам. Пластинки для танцев выбираются из огромной стопки. Все дети — хорошие танцоры, и некоторые наши гости говорят, что чувствуют себя не на высоте, танцуя с ними. Для вечера четверга ничего специально не предусмотрено. Старшие отправляются в кино. Вечер пятницы отведён для особых случаев, например, репетиций спектаклей.

Вечер субботы — самый важный у нас, потому что это время общего собрания школы. После собрания обычно бывают танцы. В зимние месяцы воскресные вечера отданы самодеятельному театру.

О личных уроках в Саммерхилле

Раньше я считал своей основной работой не преподавание, а личные уроки — неформальные разговоры у камина. Психологическое внимание необходимо большинству детей, но среди наших всегда находились только что пришедшие из других школ, и личные уроки были направлены на то, чтобы ускорить их адаптацию к свободе. Если ребёнок весь внутренне зажат, он не может сам приспособиться к состоянию свободы.

Большинству маленьких детей регулярные личные уроки не нужны. Идеальное условие для их проведения — желание самого ребёнка. На личных уроках иногда настаивают некоторые старшие дети, реже такое случается с младшими.

Каким же детям нужны личные уроки? Лучшим ответом станут несколько примеров.

Я усаживался у огня с трубкой в зубах, и ребёнок, если хотел, тоже мог курить. Сигарета часто помогала сломать лёд между нами.

Однажды я попросил четырнадцатилетнего мальчика зайти ко мне поговорить. Он только что перешёл в Саммерхилл из вполне типичной закрытой частной школы. Я заметил, что его пальцы желты от никотина, поэтому достал свои сигареты и предложил ему закурить.

— Спасибо, — пробурчал он, — я не курю, сэр.

— Бери, бери, чёртов враль, — сказал я, улыбаясь, и он взял.

Я одним махом убивал двух зайцев. В глазах этого мальчика директор школы — неумолимый моралист и блюститель дисциплины, которого надо постоянно обманывать. Предлагая ему сигарету, я показывал, что ничего не имею против его курения. Назвав его чёртовым вралем, я заговорил с ним на его языке. В то же время я наносил удар по его представлению о людях, наделённых властью, показывая, что директор вполне может легко и весело выругаться. Ох, как бы мне хотелось сфотографировать его лицо во время этого первого интервью!

Из прежней школы его исключили за воровство

— Я слышал, ты ловкий жулик, — сказал я. — Как лучше всего надуть железнодорожную компанию?

— Я никогда не пытался их обманывать, сэр.

— Э-э, так не годится. Ты должен попробовать. Я знаю массу способов. — И рассказал ему о нескольких. Он разинул рот. Он попал в сумасшедший дом, это точно. Директор школы рассказывает ему, как половчее смошенничать. Годы спустя он признался мне, что этот разговор был самым большим потрясением в его жизни.

Люси, воспитательница дошкольной группы, сообщает мне, что Пегги выглядит очень несчастной и всех сторонится. Я предлагаю: «Ладно, скажи ей, пусть придёт ко мне на личный урок». Пегги заявляется ко мне в гостиную.

— Я не хочу никакого личного урока, — говорит она, садясь. — Это глупость одна.

— Конечно, — соглашаюсь я. — Потеря времени. Мы не будем этого делать.

Она задумывается.

— Ладно, — медленно соглашается Пегги, — я не против, только чтобы один и совсем маленький.

К этому моменту она уже устроилась у меня на коленях. Я расспрашиваю её о папе и маме, а особенно о маленьком братике. Она говорит, что он глупый, как осел.

— Наверное, — соглашаюсь я. — Думаешь, мама любит его больше, чем тебя?

— Она любит нас одинаково, — быстро отвечает она и добавляет: — По крайней мере мама так говорит.

Иногда ощущение несчастья возникает из-за ссоры с другим ребёнком. Но чаще всего причиной беды становится письмо из дома, в котором, например, говорится, что у брата или сестры появилась новая кукла или велосипед. Личный урок кончается тем, что Пегги уходит вполне счастливой.

Сейчас я уже не занимаюсь психотерапией регулярно. Чтобы излечить детский невроз, надо высвободить чувства ребёнка, а изложение разных психиатрических концепций или рассказ о его комплексах несколько не помогают лечению.

Я всё больше убеждаюсь в том, что, если дети имеют возможность изжить свои комплексы в условиях свободы, в терапии нет необходимости. Исправляют и излечивают в Саммерхилле любовь, приятие и свобода быть самим собой. Я всё сильнее верю в терапевтическое действие творческой работы. Я бы хотел, чтобы дети побольше мастерили, танцевали, играли в театр.

Личные уроки — это, по сути, перевоспитание. Их цель — снять комплексы, созданные нравовоспитанием и устрашениями.

Свободная школа типа Саммерхилла может существовать и без личных уроков. Они лишь помогают ускорить процесс перевоспитания, они, как хорошая весенняя генеральная уборка перед вступлением в лето свободы.

О будущем Саммерхилла

Известен ли Саммерхилл всему миру? Едва ли. Он известен горстке педагогов. Я думаю, что мир не будет долго — если вообще когда-нибудь будет — использовать образовательные методы Саммерхилла. Мир придумает лучший способ. Только пустоголовый дурак может считать свою работу последним словом в какой-либо области, мир просто обязан найти лучший путь. Потому что политика не спасёт человечество, она никогда не могла это сделать. Большинство политических газет наполнены ненавистью, всегда одной только ненавистью. Слишком многие становятся социалистами не потому, что любят бедных, а потому, что ненавидят богатых.

Разве могут у нас существовать счастливые семьи, живущие в любви, если родной дом — это маленький уголок родины, сотнями способов повседневно проявляющей ненависть? Я не могу считать, что образование — это экзамены, классы, уроки и учение. Школа не обращает внимания на самое главное: все на свете греческие языки, математики и истории не помогут сделать семью более любящей, детей — свободными от подавления, а родителей — свободными от неврозов.

Будущее Саммерхилла как такового, вероятно, не имеет большого значения, но будущее идеи Саммерхилла имеет огромное значение для человечества. У новых поколений должен быть шанс вырасти в свободе. Подарить свободу — это подарить любовь, а только любовь может спасти мир.

[25 – 34]

Технологии
и инструментарий

40